

А.Л. Журавлев, Д.В. Ушаков

Теория и практика психологии: взаимодействие и противоречия

В статье анализируются возможности взаимодействия теоретической и практической психологии на современном этапе их развития.

В настоящее время психология подходит к тому этапу развития, когда необходимо по-новому оценить взаимодействие фундаментальной науки и практики. После оптимизма позднего советского периода (Ломов, 1984) и пессимизма конца XX — начала XXI века (Василюк, 1996; Юревич, 2000) наступает время, когда проблему целесообразно исследовать в деталях: выделить различные области психологии, в которых взаимодействие фундаментального знания и практики осуществляется по-разному, а также различить несколько видов этого взаимодействия.

Для проведения подобного детализированного анализа мы предлагаем воспользоваться схемой, предполагающей описание трех процессов, в ходе которых совершенствуется человеческая практика. Первый процесс состоит в развитии представлений об устройстве мира, в том числе и об устройстве психики. Второй — в создании на основании этих представлений объектов и технологий, отвечающих практическим потребностям. Третий процесс — проверка эффективности этих объектов и технологий, позволяющая получить обратную связь, а также информационный материал, необходимый для дальнейшего совершенствования.

При всей глубинной взаимосвязи эти процессы могут развиваться относительно независимо друг от друга. Так, новые представления о мире, создаваемые фундаментальной наукой, обычно должны пройти достаточно длительный период в развитии, чтобы оказать существенное влияние на инженерию. В то же время возможно и существенное развитие конструкций в рамках одних и тех же моделей естественных процессов, без получения дополнительной подпитки из фундаментальной науки. Инженерная конструкция основывается на естественных законах, но не выводится из них. Поэтому инженерия — всегда искусство, а также отдельная область, накапливающая конструкции, изобретенные предшественниками.

В то же время все три процесса принципиально взаимосвязаны. Любое сконструированное человечеством устройство, процесс или технология основано на том или ином представлении о естественных, природных процессах, из которых инженерное (в широком смысле слова) искусство создает приспособления, отвечающие определенным потребностям. Даже магические практики основываются на тех или иных представлениях о дей-

Журавлев Анатолий Лактионович — доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования (2004) и Российской академии наук (2008). Директор Института психологии РАН, главный редактор «Психологического журнала» РАН, заведующий кафедрой социальной психологии и декан факультета психологии Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН). Почетный работник высшего профессионального образования РФ (2003).

Специалист в области социальной, экономической и организационной психологии, психологии личности, труда и управления. Является автором свыше 400 научных работ, среди которых несколько монографий: «Психология управленческого воздействия» (2004), «Психология совместной деятельности» (2005), «Экономическое самоопределение: теория и эмпирические исследования» (2007, в соавт.) и др. Научный руководитель авторского коллектива учебного пособия «Социальная психология» (2002, 2006, 2008, в соавт.), получившего гриф УМО по психологии.

Ушаков Дмитрий Викторович — заведующий лабораторией Института психологии РАН, руководитель центра Московского городского психолого-педагогического университета, доктор психологических наук, профессор. Область научных интересов — психология интеллекта, эмоционального и социального интеллекта, творчества, креативности, одаренности, методологические проблемы психологии.

ствительности. Однако эффективность практики — если понимать под ней, помимо прочего, предсказуемость, возможность оценки соответствия результата ожиданиям, — оказывается наибольшей, если в основу практики положена наука *экспериментального типа*, в которой модели обосновываются путем сопоставления их предсказаний с результатами, полученными в ходе специально организованных экспериментальных исследований (*experimentus crucis*).

Можно выделить два типа научных данных, используемых при организации практического воздействия: данные типа А и типа В.

Данные *типа А* получаются в экспериментальных ситуациях, которые, как правило, мало похожи на ситуации практического внедрения. Бросание камней с Пизанской башни, удар током в лапу павловской собаки или разгон частиц в коллайдере — пример таких экспериментальных ситуаций, которые, вопреки У. Найссеру, отнюдь не обязаны быть «экологически валидными». Данные типа А служат для совершенствования моделей естественных процессов, которые, пройдя через процессы инженерного конструирования, приводят к созданию практически полезных устройств и технологий.

Данные *типа В* — это систематически собранные и обработанные сведения о результатах практического применения устройств или технологий. Эти сведения позволяют оценить эффективность искусственных разработок, однако, как правило, добавляют мало информации о протекании естественных процессов. Если ракета-носитель разваливается, не выведя спутник на орбиту, то под вопрос ставятся не законы Ньютона, а конструкция ракеты или ее отдельных узлов и, возможно, частный вид компетентности конструкторов.

Соотношение значимости данных типа А и В для разработчиков-практиков зависит от предсказуемости практики или ее моделируемости. Чем более доступна для моделирования ситуация, тем выше значение данных типа А. В этом случае на основании теории удастся создавать устройства, поведение которых прогнозируется заранее с высокой степенью точности. Однако, чем сложнее объект, тем менее он поддается теоретическому моделированию, тем менее точным оказывается прогноз относительно поведения создаваемого объекта, и тем важнее для практика оказываются данные типа В.

В механической инженерии, где объекты моделируются достаточно хорошо, обычно удается успешно предсказывать их поведение. Тем не менее, в ответственных случаях не ограничиваются моделированием, а проводят испытания образцов. Так, несмотря на то, что деформация кузовов автомобилей в случае аварии может быть смоделирована на компьютере, рейтинги пассивной безопасности (типа Euro NCAP) присваиваются по результатам краш-тестов.

В медицине на основе моделей биологических процессов, происходящих в человеческом организме, гораздо сложнее предсказать эффективность лекарств,

которые поэтому нуждаются в серьезной клинической проверке. Более того, даже клинические испытания не всегда позволяют вынести немедленную оценку. Как пишет известный врач, «логичные методы лечения часто оказываются неэффективными или даже опасными для больных» (Царенко, 2004). Фактически это означает, что логический вывод методов лечения из наших представлений об устройстве человеческого организма (данных типа А) может быть неэффективным и опасным. Необходимо дополнить его статистически выверенными данными о результатах лечения (данными типа В).

Таким образом, видны различия в соотношении между теорией и практикой для областей с различной сложностью объекта. В областях с относительно простым и хорошо моделируемым объектом данные типа А являются основными и позволяют создавать хорошо предсказуемые устройства и технологии, хотя и в этом случае данные типа В оказываются полезным дополнением. По мере усложнения объекта все большую роль приобретают данные типа В, которые позволяют путем обратной связи в некоторой степени компенсировать расхождение теоретической модели и реальности. Использование данных типа А является по определению более экономным и заслуживает, при наличии возможности, предпочтения, поскольку эти данные относятся к более общему случаю, на основании которого в качестве частных случаев может быть разработано много устройств и технологий. В то же время, использование подобного использования ограничена сложностью и моделируемостью объекта.

Мы предлагаем называть взаимодействие фундаментальной науки и практики, основанное преимущественно на данных типа А, *А-взаимодействием*. Взаимодействие фундаментальной науки и практики, при котором используются в основном данные типа В, может быть, соответственно, названо *В-взаимодействием*. Промежуточный вариант, при котором привлекаются данные обоих типов, можно назвать *АВ-взаимодействием*. Наконец, возможен и вариант, когда практика реально не пользуется данными типа А, но не прибегает и к данным типа В. В этом случае возможно говорить о *С-ситуации*.

Особенности взаимосвязи фундаментальной науки и практики в психологии

Рассмотрим особенности психологии в связи с введенным выше различием трех процессов.

Способ обоснования теории. Основанная на эксперименте теория является наиболее динамичной и энергично развивающейся. Такая теория приспособлена к тому, чтобы развиваться в условиях разделения труда научного сообщества. При ней существуют эксплицитно установленные критерии, которые позволяют каждому члену сообщества предлагать свой способ развития моделей. Обратная связь, создаваемая экспериментом, приводит к опознанию области недостаточности теории и выявлению точек роста.

Вместе с тем, характерной особенностью практики в целом ряде психологических отраслей, в наиболее ярком виде — в психотерапии, является использование теорий, базирующихся не на экспериментальных данных, а на клинических наблюдениях. Классический пример — более чем вековая история психоанализа, в течение которой его основные положения так и не получили экспериментального подтверждения. Эдипов комплекс, стадии детского развития, принципы толкования сновидений — все это остается догадками, гипотезами, не подвергнутыми серьезной экспериментальной проверке. В то же время практика в таких областях психологии не может быть названа атеоретичной, так как в ее основе лежит теория, однако не экспериментальная, а основанная на обобщениях клиницистов.

Соответственно, в тех областях психологии, которые направляются такими теориями, возникают специфические явления, прежде всего, повышенная роль субъективных факторов.

Психологическая теория как метод воздействия на клиента. Ряд авторов (Пузырей, 1986; Розин, 2010) подчеркивает особый характер психологической практики, связанный с тем, что теория психотерапевта становится средством, с помощью которого пациент организует свою психику. Согласно Розину, психология не есть знание о человеке как таковом, она не конструирует универсальных методов воздействия. «Психолог выступает не от лица всеобщего абсолютного субъекта познания или практического действия, а *от себя лично* и *того частного сообщества*, той *частной практики*, в которые он входит, представления которых разделяет» (Розин, 2010, с. 100—101).

При этом психология — не только знание о человеке, но и его проект (замышление, по выражению автора), а также символические описания, которые характеризуют человека и «вовлекают» его в определенного рода существование. В уходе от естественнонаучных образцов состоит не слабость психологии, а сила: «Психологическую концепцию следует рассматривать как систему метафор, образов, которая позволяет импровизировать на тему человеческой жизни» (Розин, Розин, 1993, с. 25).

С нашей точки зрения, это обстоятельство, безусловно, существенно, однако оно не препятствует предложенному описанию психологической практики в терминах трех названных выше процессов.

Точность оценки результатов воздействия. Дополнительная особенность психологической практики связана с тем, что не всегда удается объективно оценить ее результат, который субъективен в том смысле, что связан с изменением состояния субъекта.

Вокруг оценки результатов психологического воздействия существует много заинтересованных лиц. Заинтересованным выступает сам специалист-практик, профессиональная репутация которого находится в прямой зависимости от оценки результата его воздействия со всеми вытекающими последствиями.

Привело ли к успеху применение конкретного метода психотерапии — неочевидный вопрос, для ответа на который требуются более тонкие методы оценки. В частности, необходимо применять специальный экспериментальный дизайн — рандомизированное исследование с контрольной группой, определенные статистические методы и т. д.

В результате для осуществления систематической оценки практического воздействия в психологии нужно применять большие усилия, но при наличии групп людей, не заинтересованных в ее осуществлении, возникает естественный соблазн отказаться от столь трудного занятия.

Таким образом, в некоторых областях психологии сложились особые условия для реализации отношений фундаментальной науки с практикой.

Особенности взаимодействия теории и практики в различных областях психологии

Необходимо учесть, что, как отмечалось в начале статьи, различные разделы психологии нельзя уравнивать. Часто при обсуждении подобной проблематики под психологической практикой подразумевают психотерапию, что приводит к перекося общей картины. Психотерапия является весьма специфической отраслью, где разрыв между лабораторной экспериментацией и техниками практиков особенно велик. Для получения сбалансированного видения необходимо учесть и практику в таких областях, как, например, инженерная психология, в которой большое место занимают проверенные в экспериментах информационные модели.

Модели когнитивной психологии и такие ее понятия, как «компоненты памяти», «фильтры внимания», «семантические сети», не могли бы возникнуть, не будь соответствующих средств моделирования, связанных с экспериментальными приемами исследования. Эти средства моделирования задают алфавит теоретического языка, допускающего операционализацию в психологическом эксперименте. Важно, чтобы этот язык допускал перевод на «диалекты» практики. Перечисленные выше когнитивные термины могут быть соотнесены с практикой инженерной психологии, для которой важны процессы переработки информации. Этим задается путь от эксперимента через теорию к практике для инженерной психологии. Однако этот язык мало соотносим с проблематикой психотерапии в анализе таких ее проблем, как жизненный путь личности, отношения клиента с терапевтом и т. д.

Чем же определяется тот факт, что в некоторых науках средства моделирования оказываются значительно более мощными, чем в других? Очевидно, здесь играют роль два фактора.

Во-первых, очевидно, что развитие средств моделирования происходит тем легче и быстрее, чем относительно проще объект исследования. Если воспользоваться старым различием «уровней движения материи», то можно ожидать, что науки, имеющие дело с «нижележащими уровнями», будут

быстрее формировать средства моделирования, чем науки, относящиеся к «вышележащим уровням». В соответствии с этими ожиданиями для физики классическое соотношение науки и практики намного более характерно, чем для психологии. Биология же с практиками в виде агронауки и медицины занимает промежуточное положение. Хотя та же медицина сегодня во многом высокотехнологична и опирается на фундаментальную науку, все же в ней по-прежнему находят себе ниши такие области, как гомеопатия, опора которых на экспериментатику весьма проблематична.

Во-вторых, принципиально важен фактор соотношения усилий, затраченных обществом на развитие фундаментальной науки, и запросов практики. Развитие средств моделирования, которое оказывается здесь ключевым моментом, включено в контекст фундаментальной науки и обычно в большей мере стимулируется собственной логикой развития науки, чем практическими запросами.

Следовательно, если принять сложность объекта за константу (например, оценивать положение вещей в рамках одной науки), то получается экономическая модель, в которой отношения между теорией и практикой зависят от соотношения объема практического запроса и усилий, вкладываемых в фундаментальную науку, а именно в развитие средств моделирования. Опережающее развитие фундаментальных исследований в сравнении с практическим запросом приводит к классической схеме связи теории, эксперимента и практики. Если же, напротив, сил, вкладываемых в фундаментальную науку, недостаточно в сравнении с высоким практическим спросом, то возникают неклассические схемы взаимодействия.

Наиболее простая трактовка изложенного заключается в приравнивании как сил, вкладываемых в развитие фундаментальной науки, так и практического спроса к их финансовым эквивалентам, т. е. к общему объему финансирования соответствующих областей фундаментальных исследований и к объему доходов от реализации практической деятельности. Однако в действительности дело, конечно, обстоит сложнее. Развитие фундаментальной науки зависит и от других факторов, таких, как научные традиции в данном сообществе, статус ученого в стране, уровень и характер образования и т. д. Само по себе финансирование не способно заменить эти факторы. Также практический спрос определяется не только платежеспособностью заказчика, но и целой системой моральных факторов.

Следует отметить, что именно классическая модель, допускающая относительно точное прогнозирование следствий практических вмешательств и позволяющая на основании контролируемых данных аргументировать оптимальность тех или иных вариантов развития, является оптимальной для решения стратегических задач, возникающих перед обществом. Принятие государственных решений в оптимальном варианте должно осуществляться на основании знаний, существующих в отчужденной и в этом смысле объективной форме. Предсказание должно

основываться на объективных, не зависимых от личностей основаниях. В противном случае увеличивается простор для субъективизма, чреватого негативными последствиями.

В данном контексте неслучайным выглядит тот факт, что именно инженерная психология, приведенная выше как пример реализации классической схемы, стала той областью, которая в 1960—70-х гг. привлекла внимание представителей государства к развитию психологической науки в нашей стране в целом. Неклассическая модель, включающая большую долю «личностного знания», оказывается насыщенной субъективными компонентами.

А-взаимодействие современной фундаментальной психологии и психологической практики

Прояснить роль данных типа А в современной психологической практике возможно, прибегнув к концепции типов научного знания, предложенной Я.А. Пономаревым. По его мнению, можно выделить *три типа научного знания*: созерцательно-объяснительный, эмпирический и действенно-преобразующий. В контексте данной статьи основной интерес представляют два последних, поскольку именно они характеризуют экспериментальную науку, в то время как первый относится к науке доэкспериментальной (Пономарев, 1980).

При *эмпирическом* типе знания не учитываются внутрисубъектные преобразования (они остаются в «черном ящике»), отражаются эмпирические закономерности (Пономарев, 1980, с. 200). Иными словами, при том многообразии проявлений, которыми характеризуется поведение человека, для объяснения любого феномена, полученного в эмпирическом исследовании, применяется модель, имеющая *локальный* характер. Для объяснения феноменов, полученных в других экспериментах, требуется другая модель и т. д. Таким образом возникает *эмпирическая многоаспектность* — множество локальных моделей, не связанных между собой и предназначенных для объяснения отдельных закономерностей, добытых в экспериментах и иных эмпирических исследованиях.

Синтез, или интеграция, локальных моделей представляет задачу *действенно-преобразующего знания*, которое должно упорядочить локальные модели на основе «объективных критериев», в качестве которых выступают «структурные уровни организации явлений — трансформированные этапы ... развития» (Пономарев, 1980, с. 42).

Выделение знаний как типов достаточно условно, так как они рассматриваются в качестве полюсов, к которым тяготеют научные концепции и исследования: «ни один из перечисленных типов не существует реально в чистом виде, но каждый из них сравнительно легко выделяется путем идеализации» (Пономарев, 1980, с. 200).

Фактически можно представить соотношение эмпирического и действенно-преобразующего зна-

ния как континуум, на котором объяснительные модели расположены в последовательности от наиболее локальных ко все более и более синтетичным.

Наиболее важно подчеркнуть, что принципом, отличающим действенно-преобразующее знание от эмпирического, является «раскрытие глобального черного ящика». Знание эмпирического типа описывает «черный ящик» извне, а если и раскрывает его, то делает это только применительно к «локальному черному ящику», описывая механизм отдельной изолированной функции.

В соответствии со схемой, предложенной Я.А. Пономаревым, различные сферы практики можно разделить в зависимости от их *локальности или глобальности* в плане вовлечения целостной личности. Локальные практические задачи касаются регуляции выполнения человеком отдельных действий и могут быть успешно решены путем применения локальных моделей, которыми современная психология располагает в достаточной степени. Такие задачи могут быть весьма значимыми социально, и в этой сфере фундаментальная экспериментально ориентированная наука оказывается надежной базой для решения практических задач. Примером может служить та же инженерная психология. Модели переработки информации, которыми располагает психология, оказываются вполне достаточными для того, чтобы помочь в оптимизации многих процессов.

Другое дело — практические задачи, связанные с вовлечением целостной личности, как это происходит, например, в сфере психотерапии. Глобальные модели в этой сфере оказываются недостаточными фундаментальными экспериментом, в результате чего классическая схема взаимосвязи «теория — эксперимент — практика» явно нарушается.

Тем не менее, и в этой ситуации экспериментально-психологические модели не остаются полностью бесполезными. Локальные модели могут сослужить важную службу и в решении проблем, вовлекающих целостную личность, описывая отдельные стороны явления и предлагая методы адекватного воздействия на них.

Ниже будут рассмотрены несколько способов, в соответствии с которыми *локальные модели* могут быть использованы на практике. Локальные модели могут быть разделены на несколько типов, из которых выделим два основных. Во-первых, это *локальные модели механизмов*. В этих моделях происходит «раскрытие черного ящика» — однако только локального механизма, который является лишь частью того общего механизма, что стоит за явлением. Во-вторых, *модели условий протекания процессов*. Здесь «черный ящик» не раскрывается, но эмпирически выявляются условия, в которых изучаемый глобальный процесс протекает тем или иным образом.

Проблема частного и общего механизма психологических явлений. Сегодня известно много локальных механизмов, стоящих за работой психики. Мы знаем о механизмах цветовосприятия и воронке внимания, о когнитивном диссонансе, социальной

категоризации и сдвиге риска, а также о многом другом. Проблема в том, что пока мы не пришли к созданию парадигмы, которая объединила бы эти локальные достижения в единое целое.

Человеческая психика — система с чрезвычайно сложными взаимосвязями. Изучив локальный механизм, например, влияния мотивации достижения на развитие профессионализации, можно придти к обоснованному выводу о пользе формирования мотивации, например, для профессионального саморазвития. Однако при этом могут остаться неучтенными побочные эффекты повышения мотивации достижения.

Использование локальных моделей такого рода может быть чрезвычайно полезным для практики, однако они не обеспечивают целостного алгоритма действий, не могут обеспечить предсказания результата, а служат лишь весьма эффективным дополнительным инструментом в руках профессионала.

Анализ условий протекания психического процесса. Приведем примеры исследований, выполненных в Институте психологии РАН (ИП РАН).

Под научным руководством Н.В. Тарабриной проводится цикл работ, посвященных *психологии посттравматического стресса*. Ситуации, связанные с воздействием экстремального (травматического) стресса, т. е. катастрофы, насилия, боевые действия, стихийные бедствия и т. п., встречаются в повседневной жизни людей все чаще и, соответственно, в современном обществе пропорционально возрастает количество тех, кто в результате такого воздействия страдает особой формой психопатологии — *посттравматическим стрессовым расстройством* (ПТСР). Таких людей среди переживших травматический психологический стресс может оказаться от 15 до 70%, что, в основном, зависит от тяжести переживаемого события и от сочетания психической травмы с нарушениями физической целостности человеческого организма, т. е. физическими травмами.

В лаборатории, возглавляемой Н.В. Тарабриной, выявлены различные факторы, влияющие на глубину посттравматического стресса и возможности его преодоления у разных категорий людей (Падун, Тарабрина, 2004). Таким образом, производится анализ внешних и внутренних условий, способствующих и препятствующих развитию посттравматического стрессового расстройства. Эти сведения весьма полезны практикам для работы с соответствующими психологическими последствиями переживания травм. Они показывают факторы, воздействие на которые позволяет снижать риск развития посттравматического стрессового расстройства.

Фактически в этих исследованиях *практическая полезность* достигается за счет анализа *условий* (включая сюда как внешнюю среду, так и индивидуальные свойства человека), в которых происходят сложнейшие и не поддающиеся пока полному анализу посттравматические процессы.

В качестве другого примера можно привести выполненные под научным руководством Е.А. Сергиенко

исследования развития ребенка с пренатального периода (Сергиенко, 2006). В лонгитюдном исследовании беременных женщин (охватывающем весь период беременности и послеродовой период) было показано, что личностные ориентиры изменяют организацию поведения матери, позволяют осуществлять более эффективные способы регуляции, что отражается и на особенностях регуляции родившихся детей.

Данные исследования позволяют подойти к выделению *предикторов* благополучия вынашивания ребенка и психического здоровья женщины и дитя, поскольку контроль поведения рассматривается как интегративная индивидуальная характеристика субъекта, обеспечивающая адаптацию и стрессоустойчивость (показатели психического здоровья) женщины и будущего ребенка. Очевидны практические следствия — психологическая помощь беременным женщинам как превентивное средство обеспечения здоровья ребенка.

Фактически во всех перечисленных случаях речь шла об одном и том же типе *взаимодействия фундаментальной науки и консультационной практики*. Фундаментальная наука рассматривает совокупность факторов, обеспечивающих успешное преодоление весьма различных ситуаций людьми. Часто это ситуации экстремальные, ставящие человека на грань психического, а иногда и биологического разрушения — войны, бедствия, опасные болезни и т. д. Но могут быть и более обыденные, менее опасные ситуации. Однако они тоже нередко становятся причиной психологических проблем для человека, например, источником девиантного поведения и т. п.

Заключение

В настоящее время фундаментальная наука постепенно нащупывает подходы к анализу различных трудных жизненных ситуаций, попадание в которые и приводит людей в кабинеты психологов, социальных работников, психотерапевтов и т. п. Изучение факторов, которые в таких ситуациях обуславливают характер переживаний, а главное — влияют на разрешение и успешность выхода из них, оказывает неоценимую услугу самой практике психологического воздействия. Сегодня нарабатана и реально функционирует *схема взаимодействия*, при которой фундаментальная наука, выявляя общие закономерности поведения людей в сложных жизненных ситуациях и устанавливая детерминанты успешности их разрешения, снабжает практиков конкретными знаниями о факторах, на которые необходимо воздействовать для повышения вероятности благоприятного исхода, возникновения типичных сценариев развития ситуации и т. д.

Все это достигается путем эффективного применения локальных моделей, которые могут быть использованы квалифицированным клиницистом или психологом для выработки оптимальной линии психотерапевтической помощи. Фундаментальная наука дает знания о факторах, определяющих успеш-

ность преодоления человеком тех или иных ситуаций. Такие знания должны быть преломлены консультантом через призму его понимания психологического процесса воздействия и, что принципиально, через призму понимания индивидуальных особенностей взаимодействующего с ним человека. Фундаментальная наука разрабатывает схемы, которые ориентируют консультанта, снабжают его чрезвычайно важным знанием о сложнейших механизмах и детерминантах, а также об условиях их действия. Но только высокая квалификация консультанта, его способность гибко применять схемы, а не оказываться у них в плену может обеспечить успешность многообразных процессов воздействия.

В целом локальные модели позволяют решить проблему А-взаимодействия лишь частично. Они могут принести пользу практике, однако в этом случае эти модели могут быть использованы как вспомогательные средства, которые оказывают существенную помощь квалифицированному специалисту.

Таким образом, А-взаимодействие присутствует даже в наименее ориентированных на экспериментальную науку областях современной психологии. Вместе с тем, в этих сферах есть очень большая перспектива для В-взаимодействия, однако эта проблематика, составляет предмет следующей статьи.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Василюк Ф.Е. Методологический смысл психологического схизиса // Вопросы психологии. — 1996. — №6. — С. 25—40.
2. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. — М.: Наука, 1984.
3. Падун М.А., Тарабрина Н.В. Когнитивно-личностные аспекты переживания травматического стресса // Психологический журнал. — 2004. — Т. 25. — №5. — С. 5—15.
4. Пономарев Я.А. Методологическое введение в психологию. — М.: Наука, 1980.
5. Пузырей А.А. Культурно-историческая теория Л.С. Выготского и современная психология. — М., 1986.
6. Розин В.М. Психологическая реальность как проблема цехового самоопределения // Психология. Журнал Высшей школы экономики. — 2010. — Т. 7. — №1. — С. 90—103.
7. Розин В.М., Розин М.В. О психологии и не только о ней // Знание-сила. — 1993. — №4.
8. Сергиенко Е.А. Раннее когнитивное развитие: новый взгляд. — М.: Институт психологии РАН, 2006.
9. Царенко С.В. Нейрореаниматология: Интенсивная терапия черепно-мозговой травмы. — М.: Медицина, 2004.
10. Юревич А.В. Психология и методология // Психологический журнал. — 2000. — Т. 21. — №5. — С. 35—47.